

АРБЕКОВ Александр Борисович, кандидат исторических наук, научный сотрудник, Тульский государственный музей оружия (Россия, Тула), e-mail: killkennedy123@yandex.ru, AuthorID: 1113334

ARBEKOV A.B., Candidate of Historical Sciences, Research Officer, Tula State Arms Museum (Russian Federation, Tula), e-mail: killkennedy123@yandex.ru, AuthorID: 1113334

ЕГИПЕТ И ВОЕННАЯ СТРАТЕГИЯ ВЕЛИКОБРИТАНИИ ПО ВОСТОЧНОМУ ВОПРОСУ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ 70-Х ГОДОВ XIX ВЕКА

EGYPT AND BRITISH MILITARY STRATEGY ON THE EASTERN QUESTION IN THE SECOND HALF OF THE 70S OF THE 19TH CENTURY

Аннотация. Цель исследования заключается в выявлении роли Египта в формировании британской военной стратегии в период Восточного кризиса на основании документов британских и российских архивов (1875–1878 гг.). Исследование данной тематики позволяет проследить процесс планирования военных операций Соединенного королевства по захвату Египта и объяснить логику действий высшего политического руководства Британской империи в указанный исторический период. Основной акцент автором сделан на изучении делопроизводственных материалов Военного ведомства Великобритании и его разведывательных структур.

Ключевые слова: Восточный кризис, Восточный вопрос, военная разведка, Военное министерство, Викторианская Англия; имперская политика, Египет, Суэцкий канал.

Abstract. The purpose of the article is to identify the role of Egypt in developing the British military strategy during the Eastern Crisis on the basis of the British and Russian archives (1875–1878).

It is stressed that the study of this problem allows to trace the process of planning the British military operations to capture Egypt. It gives an opportunity to explain the logic of the actions of the British ruling elite during this period.

As a result, the author emphasizes that the research focuses on the study of the records of the British War Department and its intelligence agencies.

Keywords: Eastern Crisis, Eastern Question, military intelligence, War Department, Victorian England, imperial policy, Egypt, Suez Channel.

ВВЕДЕНИЕ

Одним из краеугольных камней британской имперской стратегии на рубеже 70-х – 80-х гг. XIX века стал египетский вопрос, определивший на последующие десятилетия основной вектор внешнеполитического курса Соединенного Королевства на единоличный контроль над Суэцким каналом. Данную проблему второе либеральное министерство

У. Гладстона (1880–1885 гг.) решило путем прямой военной интервенции и длительной оккупации Египта, приведшей к прямой конфронтации с правительством Третьей республики во Франции.

Во многом успех военно-морской операции 1882 года был обусловлен скрупулезной проработкой и совершенствованием ее плана в течение нескольких лет до начала вторжения, что резко выделяет Египетскую кам-

панию на фоне остальных колониальных войн Великобритании Викторианской эпохи. Однако сама теоретизация основных аспектов военно-морской операции 1882 года, фактически проводившаяся с началом Восточного кризиса (1875–1878 гг.), к сожалению, осталась за рамками взора научных исследователей.

ОСНОВНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Традиционно в англоязычной историографии изучались политические и военно-событийные стороны египетского вопроса в 70-х – 80-х гг. XIX века. Исключением в этом ряду являются фундаментальные работы У. Бивера и Э. Престона [4, Р. 1–7; 12, Р. 90], которые тем не менее анализировали проблему британского контроля над Египтом слишком фрагментарно или исключительно как второстепенный сюжет в контексте развития разведывательных и планирующих структур Соединенного Королевства в позднюю Викторианскую эпоху. В отечественной исторической науке тема роли и места Египта в военной стратегии Великобритании в период Восточного кризиса (1875–1878 гг.) и ее влияния на события 1882 года не подвергались изучению.

Поддержание территориальной целостности «большого человека Европы» – Османской империи, а также защита проливов Босфор и Дарданеллы от обладания ими другими европейскими державами являлись столпами традиционной политики Великобритании по сохранению своего могущества на Востоке. Однако завершение строительства Суэцкого канала французами в 1869 году побудило британские политические и военные элиты начать постепенную переориентацию своих традиционных стратегических приоритетов. Помимо явных экономических преимуществ, которые сулило обладание Суэцким каналом, очевидно, что наличие сокращенного пути через Африку на 5 тыс. миль позволяло более компактно и надежно выстраивать оборону имперских

владений на различных континентах. В связи этим российский военный агент в Лондоне Н. А. Новицкий в донесении от 24 мая 1870 года дальновидно отметил, что «при правильном и успешном развитии предприятия, английские капиталы будут стремиться к приобретению всего канала» (РГВИА. – Ф. 431. – Оп. 1, 1870. – Д. 41. – Л. 157–157 об.).

Значительную роль в определении этого региона в качестве приоритета внешней и колониальной политики Великобритании сыграли события Восточного кризиса (1875–1878 гг.) в целом и Русско-турецкой войны (1877–1878 гг.) в частности. Поэтому первоначально захват Египта, как и афганский вопрос, отождествлялся Англией с проблемой «русской угрозы» Индии и во многом зависел от международной обстановки в Европе.

После начала восстаний в Боснии и Герцеговине летом 1875 года властные элиты Великобритании стали осознавать потенциальную возможность очередного вооруженного столкновения с Россией по восточному вопросу. Данное понятие в интерпретации британских правящих кругов означало сохранность морских коммуникаций с Индией через Персидский залив и акваторию Средиземного моря, напрямую связанную с Суэцким каналом и, соответственно, Египтом. Среди тори существовало определенное представление, что потенциальный успех российского оружия в войне против Турции обеспечивал полное доминирование России в Малой Азии и на Ближнем Востоке, откуда за счет посредничества Персии и Афганистана появлялась возможность напрямую угрожать Индии.

Для предотвращения подобной комбинации лидеры консервативной партии для выработки наиболее релевантных военно-стратегических инициатив обращались к советам специалистов разведывательного департамента Военного ведомства (Intelligence Department), выполнявшего функции Генерального штаба. В этот период в силу объективного возрастания сложности организации

вооруженных сил появляется потребность применения научного подхода к управлению армией. Особое значение приобретали грамотное построение разведывательной деятельности, сбор и аккумуляция различных военно-статистических и топографических сведений для проектирования релевантных внешнеполитических инициатив, соотносимых с мобилизационными ресурсами и военно-промышленным потенциалом государства. При этом территориальная обширность Британской империи с ее владениями, разбросанными по нескольким континентам, настоятельно требовала изучения беспрецедентно огромного пласта военных вопросов, касавшихся почти каждой части света.

В результате к середине 1873 года в Военном ведомстве Великобритании был сформирован новый разведывательный департамент, занимавшийся не только «сбором всей статистической и топографической информации, которой будет полезно обладать в случае вторжения или войны за рубежом», но и «применением этой информации в отпущенные мер <...>, которые должны быть приняты во время войны...» [15, Р. 82]. Расширение компетенций ведомства абсолютно закономерно позволяло продуцировать различные глобальные военные стратегии для решения актуальных внешнеполитических задач. Поэтому неудивительно, что именно разведывательный департамент стал своеобразным эквивалентом Генерального штаба.

Первым главой разведывательного департамента был назначен генерал-майор сэра Патрика Леонарда Макдугалла, ветеран Крымской войны, принимавший в 60-х гг. XIX века активное участие в организации обороны Канады от потенциального вторжения США и повышении боеспособности канадского ополчения с целью вывода британских войск из доминиона [13, Р. 214]. Назначая его на должность главы разведывательного департамента, Верховный главнокомандующий герцог Кембриджский писал королеве Виктории: «Он (Макдугалл. – А. А.) опытный человек, обладающий значительными способно-

стями к такой работе» [14, Р. 52].

Тем не менее разведывательный департамент не обладал самостоятельностью и наделялся чисто исполнительными и консультативными функциями – рекомендации, предложения и стратегические планы специалистов этого отдела были совершенно не обязательны для приведения в прямое исполнение представителями действующего правительства. По сути, до начала XX в. политики поздней Викторианской эпохи совершенно не допускали прямого вмешательства армейских кругов в процесс разработки имперской стратегии, предоставляя им роль советников именно по военным вопросам ее имплементации. Историк Дж. Гуч справедливо резюмировал, что «именно эта концептуальная ошибка, почти полное непонимание конструктивной роли, которую может сыграть департамент – являлось одним из самых серьезных препятствий в развитии сложного механизма планирования обороны (Великобритании. – А. А.)» [9, Р. 5]. Однако, выступая в качестве советников действующего правительства, специалисты данного ведомства оказали заметное влияние на формирование военной стратегии Великобритании во время международного кризиса 1875–1878 гг. Так, в качестве возможного варианта разрешения восточного вопроса, как ни странно, предлагался именно захват Египта.

В декабре 1875 года, сразу после приобретения Англией контрольного пакета акций Суэцкого канала, глава разведывательного департамента генерал-майор сэра П. Макдугалл совершил поездку в Египет с целью топографии местности и более детального изучения ключевых военно-стратегических позиций в регионе. По итогам этой командировки 16 июня 1876 года он составил пространную аналитическую записку «Оборона Египта», которая, по нашему мнению, имеет весомое историческое значение.

Во-первых, этот документ является наглядной иллюстрацией традиционной для Англии поздней Викторианской эпохи парадигмы мышления «лучшая защита – это нападение». Генерал Макдугалл прямо ука-

зывает, что для защиты Суэцкого канала от угрозы других европейских держав «...Англия может оказаться перед необходимостью оккупировать Египет своей армией либо с согласия Египта, либо с помощью силы...» (The National Archives (Kew), United Kingdom, PRO FO 881/2900, P. 3).

Во-вторых, он предопределил последующую переориентацию военно-стратегического внимания Великобритании в Средиземноморье с проливов Босфор и Дарданеллы на Суэцкий канал. Генерал-майор П. Макдугалл придерживался довольно прагматичных взглядов относительно структуры национальной обороны, рассматривая колониальные владения Великобритании и систему ее военно-морских баз и коммуникаций в качестве основных элементов имперского могущества. Поэтому он имел стойкое убеждение, что именно Египет являлся центральным связующим звеном метрополии с Индией и его возможная утрата гораздо сильнее отразится на положении Великобритании, нежели сам факт утверждения России на проливах. При этом современная оккупация Египта, по замыслу генерала Макдугалла, даже в случае гипотетической утраты морской инициативы обеспечивала Англию сильной военно-морской базой, полностью соответствующей тому политическому влиянию, «которое она (Англия. – А. А.) стремится оказывать в европейских делах» (TNA, PRO FO 881/2900, PP. 2–3). В контексте цитируемого отрывка довольно знаменательно, что именно Египет станет основным пунктом подготовки военной экспедиции против России в районе проливов и Черного моря в разгар Пендинского кризиса весной 1885 года (РГВИА. – Ф. 401. – Оп. 4, 1885. – Д. 39. – Л. 15–17 об.).

И в-третьих, данная реляция являлась отправной точкой и основой всех планов потенциальной интервенции в Египет, которые разрабатывались высшим военным командованием Великобритании вплоть до событий 1882 года.

Переходя к анализу документа, отметим, что «Оборона Египта» носит преимуще-

ственно теоретический и рекомендательный характер. При этом важной особенностью записки является ее «зеркальность» в отношении рассматриваемых потенциальных операционных направлений как вражеской, так и обороняющейся стороны, так как оба положения при определенных обстоятельствах могла спокойно занять и сама Англия. Примечательно, что в документе нет однозначного указания на конкретную европейскую державу, которая могла составить Великобританию конкуренцию в Средиземном море в борьбе за Египет. Однако, исходя из системы координат международных отношений в рассматриваемый исторический период, можно однозначно утверждать, что в «Обороне Египта» речь шла прежде всего о России и Франции.

Касательно последней стороны конфликта, военные круги Великобритании в период Восточного кризиса имели достаточно весомые основания полагать, что Франция не будет препятствовать британским планам по оккупации Египта. Военный агент в Париже генерал-майор Джеймс Конолли докладывал 25 декабря 1876 года о царивших мнениях во французской армейской корпорации относительно сложившейся международной ситуации. Он пришел к выводу о преобладании реваншистских настроений по вопросу франко-германского соперничества после «военной тревоги» 1875 года, в связи с чем «именно к Рейну, а не к Нилу, направлены устремления всей нации» (TNA, PRO FO 424/46, № 135, Incl. 1, P. 78). Кроме того, британский военный атташе докладывал о желании многих высокопоставленных офицеров армии Третьей республики заключить оборонительный и наступательный союз с Англией на случай повторной эскалации конфликта с Германией. По мнению генерала Конолли, подобные обстоятельства позволяли властям в Лондоне с помощью «продуманной манипуляции» нивелировать «любые неприятности, связанные с оккупацией или захватом Англией части Египта», а все противоречия с французскими властями урегулировать «существенной денежной ком-

пенсацией за Суэцкий канал» (TNA, PRO FO 424/53, No. 280, Incl. 1, P. 135). Поэтому «Оборона Египта» генерала Макдугалла, с нашей точки зрения, носила прежде всего антироссийскую направленность, что полностью совпадало с позицией Лондона по восточному вопросу.

Изначально глава разведывательного департамента четко определил цель любого потенциального вторжения в Египет как «заграждение или овладение Суэцким каналом» (TNA, PRO FO 881/2900, P. 4). Им рассматривались два варианта подобной интервенции – сухопутным или морским путем. В первом случае нападение осуществлялось через территорию турецкой Сирии с целью занять Палестину в качестве операционной базы, откуда далее из Газы двумя корпусами (60–70 тыс. чел.) «противник» мог произвести концентрическое наступление к Суэцкому каналу. Примечательно, что подобный вариант вторжения совпадал с последующими планами британского командования в случае войны с Россией оккупировать побережье Сирии в заливе Искендерун (Александретта) с целью создания в восточном бассейне Средиземного моря дополнительной военно-морской гавани для организации наступления в Малую Азию (TNA, PRO FO 881/3146, PP. 109, 129–131). Однако, учитывая особенности местности, протяженность коммуникационных линий и потенциальные сложности при снабжении армии, генерал Макдугалл пришел к выводу, что подобный вариант следует исключить «из категории практически осуществимых операций» (TNA, PRO FO 881/2900, PP. 3–5). Поэтому единственно возможным способом вторжения в Египет, по его мнению, являлась переброска «вражеского» десанта через акватории Средиземного и Красного морей, для «отражения» которого Англии следовало задействовать один армейский корпус (35 тыс. чел.) при поддержке небольшого военного контингента из Индии.

Для выполнения этой задачи он выделял три точки вероятной высадки: 1) Александрия; 2) Порт-Саид; 3) Исмаилия. В первом

случае десантирование около Александрии или в других ближайших районах, по его мнению, не имело важного значения, так как этот шаг «уведет от настоящей цели (Суэцкого канала. – А. А.) и заставит выполнять утомительные операции» через сложную пустынную местность. В то же время Порт-Саид он оценивал как самую безопасную и наиболее доступную гавань на северном побережье Египта, высадка в которой позволяла быстро начать продвижение к Суэцкому каналу. Однако ключевой стратегической позицией генерал Макдугалл называл именно Исмаилию. Данный город находился на важнейшей железнодорожной развязке Каир – Исмаилия и Суэц – Исмаилия. Кроме того, если войска одной из противоборствующих сторон ставили задачу наступления на египетскую столицу, то именно Исмаилия являлась наиболее выгодным опорным пунктом для проведения последующих операций. Поэтому, как заключал генерал-майор Макдугалл, «вышеупомянутые соображения указывают на Исмаилию как на самое подходящее место для укрепленного лагеря, сооружения которого должны охватывать и защищать гидротехнические сооружения самой Исмаилии, а также важные каналы и ближайшие железнодорожные узлы» (Ibid., PP. 4–11).

Первоначально консервативное правительство Дизраэли воспринимало «в штывы» подобные инициативы. К осени 1876 года британский премьер-министр по-прежнему считал императивом внешней политики Великобритании именно турецкий вектор и в переписке с министром иностранных дел лордом Дерби называл вероятность аннексии Египта «дорогостоящей обузой» [7, PP. 265–266]. Глава британского МИДа также расценивал угрозу Египту со стороны России как химерическую, поскольку британские боевые корабли имели возможность достигнуть побережья Северной Африки прежде, чем российские сухопутные войска пересекут Сирию [2, С. 272]. Однако дальнейшее развитие кризиса на Востоке иначе ставило перспективу гегемонии Великобритании в

Средиземноморье.

В течение октября 1876 года специалисты разведывательного департамента подготовили два крупных военно-статистических отчета (TNA, WO 33/28/1876/622; TNA, PRO FO 881/3146), которые в общих чертах подвели к очень простой мысли – завоевание османской столицы и турецкой Армении, а также утверждение российского влияния на европейской и азиатской сторонах Босфора всего лишь вопрос времени. Для противодействия этим планам рекомендовались затратные и довольно рискованные десантные операции в Европе, Малой Азии и на Ближнем Востоке. Общая их теоретическая основа была составлена в декабре 1876 года специалистами разведывательного департамента – подполковником Р. Хоумом и капитаном Э. Бэрингом под общим руководством генерал-майора П. Макдугалла. Все проекты потенциальной войны с Россией исходили из трех постулатов – Великобритания должна иметь: «1) полный контроль над морским пространством; 2) армию достаточной силы и численности для высадки на побережье; 3) военную морскую базу, с которой такая армия может действовать» (TNA, PRO FO 881/3146, P. 1). Из сформулированных предпосылок вполне очевидно соответствие им Египта в качестве пункта, способного выполнить все три задачи одновременно. Однако наиболее существенная проблема при планировании британской военной стратегии в рамках Восточного кризиса 1875–1878 гг. заключалась в мобилизации собственной сухопутной армии.

Особое географическое положение Туманного Альбиона, а также крупнейший боевой флот и система обширных морских коммуникаций полностью обеспечивали защиту Великобритании от угроз извне. Поэтому потребность в содержании многочисленной армии на основе всеобщей воинской повинности (конскрипции) по примеру континентальных держав попросту отсутствовала. «Значительная регулярная армия с хорошо организованными резервами во всяком государстве служит твердым ручательством в

сохранении мира, – писал российский военный представитель в Лондоне, – но в стране чисто морской, как Англия, конституция, которая не дает возможность содержать значительную сухопутную армию, и особенность ее географического положения – избавляют ее от этой необходимости» (РГВИА. – Ф. 431. – Оп. 1, 1872. – Д. 44. – Л. 164). Вместо этого в Великобритании существовала система компактных «профессиональных» сухопутных вооруженных сил, которая выстраивалась на добровольном принципе прохождения воинской службы.

Однако на фоне побед германского оружия над французской армией в войне 1870–1871 гг. стала очевидной структурная проблема британской военной организации – отсутствие четкого мобилизационного расписания, адаптированного как под наступательные, так и под оборонительные нужды Соединенного Королевства. Генерал-майор Н. А. Новицкий в рапорте 13 января 1871 года сообщал в Петербург о широкой дискуссии, развернувшейся среди представителей военных и политических кругов Великобритании, «о состоянии сухопутных сил, об обеспечении края от нашествий иноплемennых, о необходимости иметь действующую армию, готовую к перевозке на всякое поле сражения» (РГВИА. – Ф. 431. – Оп. 1, 1871. – Д. 42. – Л. 1–1 об.). В течение следующих нескольких лет в недрах Военного ведомства обсуждались различные проекты и схемы мобилизации британской армии. Некоторые специалисты, например полковник Г. Уолсли, считали необходимым переорганизовать систему национальной обороны таким образом, чтобы не только эффективно защищать метрополию и ее многочисленные заморские колонии, но и «создать 100-тысячную армию, всегда готовую для союзной войны на континенте» (Там же. – Л. 200 об.).

В итоге к декабрю 1875 года военный министр от консерваторов Г. Гатрн-Харди (впоследствии лорд Крэнбрук) утвердил расписание, разработанное специалистами разведывательного департамента. Оно подра-

зумеало формирование по территориальному принципу из регулярных войск и ополчения восьми армейских корпусов в Колчестере, Альдершоте, Кройдоне, Дублине, Солсбери, Честере, Йорке и Эдинбурге общей численностью около 280 тыс. чел. (TNA, WO 33/27/1875/606, PP. 7–13). Фактически Военное ведомство Великобритании копировало структуру и логику построения вооруженных сил Германии, где корпуса слагались из различных родов войск и категорий ландвера (в переводе с нем. – «оборона земли»), но адаптировало их под актуальные военные потребности Соединенного Королевства.

Теоретический фундамент расписания 1875 года основывался на предпосылке, «что в определенный день... Верховный главнокомандующий прикажет мобилизовать войска, для чего будут подготовлены приказы каждому корпусу, намечены маршруты их движения, а пункты назначения четко определены» (Ibid., P. 1). Британский флот признавался первой и основной линией обороны берегов Туманного Альбиона, поэтому формула мобилизации подразумевала два потенциальных сценария применения вооруженных сил страны: 1) война с державой, способной активно соперничать с Англией на морских просторах и осуществлять прямое вторжение на британские острова; 2) война с державой, не способной на прямое вторжение и серьезное соперничество с Англией на морских просторах, но имеющую возможность наносить ущерб ее колониальным владениям и морской торговле с помощью быстроходных крейсеров или небольшого броненосного флота. В первом случае рассматривались Франция и (при маловероятном стечении обстоятельств) Германия, во втором – Италия, Испания, Турция, США и Россия. Сценарий противостояния с Францией «поглощал» все мобилизационные ресурсы Великобритании для обороны от вторжения, но война с державой из второй категории предоставляла возможность оставить «дома» шесть корпусов и выделить два для операций за рубежом (Ibid., PP. 2–13) [6, PP. 110–112].

Вне зависимости от описанных выше сценариев с момента объявления мобилизации на подготовку корпусов в пунктах сосредоточения уходило примерно 6 недель (TNA, WO 33/27/1875/606, P. 7). Для проведения военных операций за рубежом предусматривалась комплектация крупных войсковых соединений, отличная от первого – оборонительного – варианта мобилизационного расписания. Она преследовала цель создания по опыту Крымской войны особой высокоомобильной Экспедиционной армии (Expeditionary Force), всегда готовой к быстрому реагированию. В таком случае 1-й «образцовый» корпус формировался за счет остальных исключительно из регулярных войск «не только как оружие для мгновенного удара, но и как стальной наконечник или острие всей остальной армии» (Ibid., P. 11). Параллельно 2-й корпус снаряжался из армейского запаса и ополчения, выступавшего в качестве постоянно действующего имперского резерва (Ibid., PP. 3–4). После Восточного кризиса (1875–1878 гг.) эта схема подверглась незначительной корректировке, и за рубеж отправлялся дополнительно 3-й корпус. Его войска распределяли по различным колониальным и военно-морским гарнизонам, за исключением Индии, поскольку количество вооруженных сил, дислоцированных там, считалось достаточным для обеспечения ее защиты [6, PP. 110–112].

Несмотря на рациональный подход к формированию вооруженных сил, воплощенный в мобилизационном плане 1875 года, стоит признать первую попытку введения данной схемы совершенно неудачной. Вся ее основа имела существенный изъян, касавшийся фактического наличия военных ресурсов для формирования указанных боевых соединений. Сразу после первых войсковых сборов в конфиденциальных отчетах генерал-квартирмейстера Ч. Эллиса отмечался серьезный «недобор» кадров всех родов войск, прежде всего инженерных и артиллерийских, а также острая нехватка транспорта, снаряжения, провизии, амуниции и артиллерии. По общим расцен-

кам на ноябрь 1875 года для полной комплектации корпусов, согласно мобилизационному расписанию, следовало привлечь к службе дополнительно 120 тыс. чел., произвести 204 орудия и закупить около 80 тыс. лошадей и 8 тыс. повозок (TNA, WO 33/27/1875/606, P. 25).

План 1875 года вполне очевидно исходил из перспективы дальнейшей оптимизации вооруженных сил Великобритании и увеличения численности всех слагаемых корпусной схемы мобилизации. Как писал в апреле 1886 года очередной глава разведывательного департамента генерал-майор Г. Брэкенбери, «целью этой публикации (мобилизационного расписания 1875 г. – А. А.) было открыть глаза всей стране и побудить правительство Ее Величества предпринять меры для заполнения пробелов путем формирования новых кавалерийских, артиллерийских, инженерных и ведомственных кадров пропорционально имеющейся пехоте» (British Library, United Kingdom, DMO/14/2, P. 2). Однако постоянное вовлечение британской армии в конфликты в колониях, а также стремительное развитие Восточного кризиса (1875–1878 гг.) не позволили специалистам разведывательного департамента довести задуманное до логического завершения. Так, согласно отчету Мобилизационного комитета под председательством генерал-адъютанта Ч. Эллиса от 19 июня 1877 года для приведения на военную ногу одного корпуса в течение 22 дней было необходимо задействовать все доступные резервы. Расходы на содержание данного войскового соединения на полгода без учета морской транспортировки составляли примерно 6,7 млн ф. ст., для покрытия которых консервативное правительство в начале февраля 1878 года вотировало в парламенте дополнительное финансирование. Однако из-за нехватки армейских кадров для формирования второго корпуса требовалось дополнительно рекрутировать еще 18 тыс. чел. и укомплектовать до штатов военного времени все остальные корпуса – всего 87 тыс. чел. Общие затраты на мобилизацию и содержание войск в течение всего

года комитет определял в 21 млн ф. ст. (TNA, WO 33/32/1878/668A, PP. 1–4). В конечном счете весной 1878 года метрополия смогла сформировать только один корпус численностью чуть больше 35 тыс. чел., задействовав для этого 13 тыс. чел. из армейского резерва и 22 тыс. из резерва ополчения [14, P. 292].

Таким образом, генерал-майор П. Макдугалл, будучи главой разведывательного департамента, был прекрасно осведомлен о реальных мобилизационных возможностях Великобритании. Отсюда, на наш взгляд, исходят все последующие настоятельные призывы с его стороны к правящим кругам обратить внимание на возможность аннексии Египта как на наиболее прагматичный способ решения восточного вопроса.

Довольно характерно, что в качестве средства донесения своих мыслей до действующего правительства генерал Макдугалл выбрал не прямые каналы связи по линии Военного министерства, а британскую прессу, которая в Викторианскую эпоху фактически представляла собой «четвертую власть» и основной инструмент общественного давления на политический курс правящей партии. В декабре 1876 года он опубликовал анонимную статью алармистского содержания в консервативном журнале «Блэквудс Мэгазин» [12, P. 21]. В ней автор утверждал, что захват Константинополя и проливов позволит России уже в ближайшей перспективе занять «господствующее положение, с которого она может безопасно спланировать, и в свое время и по своему усмотрению, осуществить нападение на наши восточные коммуникации путем вторжения в Египет или изнурительной морской войны в Средиземном море». Здесь необходимо пояснить, что после Франко-германской войны в течение первой половины 70-х гг. британское правительство не стремилось финансировать новые военно-морские программы. Российский военно-морской агент И. Ф. Лихачев в 1871 году писал, что «вслед-

ствие всего этого постройка больших мореходных броненосцев приостановлена и все внимание обращено теперь преимущественно на создание морской силы, приспособленной исключительно для прибрежной морской войны» (РГА ВМФ. – Ф. 410. – Оп. 2. – Д. 3950. – Л. 32). Поэтому генерал Макдугалл настоятельно агитировал действующее правительство в качестве превентивных мер «обеспечить защиту Египта» и «удвоить расходы на ... флот» [10, Р. 774].

В октябре 1877 года глава разведывательного департамента подготовил еще одну анонимную статью, в которой для более убедительной аргументации своей позиции использовал выдержки из «Обороны Египта». В конце данной публикации он, по сути, прогнозировал события 1881–1882 гг., предупреждая банкротство Египта и вовлечение страны в состояние анархии, в результате чего «Англия ради собственного блага будет вынуждена взять на себя в поздний час и с большим неудобством задачу, которую можно было бы решить сейчас с относительно небольшими затратами» [11, Р. 487].

Вполне вероятно, что данные призывы не остались без внимания некоторых представителей консервативного кабинета Б. Дизраэли. Так, лорд Солсбери не разделял позицию премьер-министра о том, «что дорога в Индию ведет через Константинополь». Как отмечали В. Н. Виноградов и О. А. Науменков, в свою очередь он придерживался идеи о целесообразности «сдвинуть острие британкой агрессии в зону Египта» [1, С. 165–166]. По нашим представлениям, на точку зрения министра по делам Индии повлиял практикуемый им качественно новый подход к оценке роли и значения разведывательного департамента как инструмента реализации внешней политики Великобритании [3, С. 136]. Именно с санкции лорда Солсбери в феврале 1877 года было направлено несколько военных инженеров для разведки Кипра, Крита и Александрии для возможности их последующей оккупации в качестве перманентных британских военно-морских баз в Средиземноморье (TNA, PRO FO

424/38, № 21, PP. 155–156). Кроме того, правительству Египта был сделан конфиденциальный запрос на разрешение капитану Ч. Арда, специалисту разведывательного департамента, изучить фортификационные и оборонительные сооружения в Александрии (TNA, PRO FO 424/49, № 296, Р. 160).

К середине января 1878 года на основе наработок разведывательного департамента был подготовлен детализированный план за авторством капитана Э. Коллена по оккупации Александрии и Исмании в качестве военно-морских баз. В отличие от записки генерала Макдугалла, в которой захват Египта планировалось осуществить силами одного полностью укомплектованного корпуса из метрополии и одной дивизии из Индии, проект капитана Коллена подразумевал привлечение трех обособленных полевых дивизий численностью 8 тыс. чел. каждая. В определенном смысле данный план был ближе к британской «отрядной» традиции ведения колониальных войн, тогда как записка генерала Макдугалла, очевидно, опиралась на доминирующую на тот момент времени в Европе практику формирования вооруженных сил. В конечном счете проект капитана Коллена подразумевал: 1) оккупацию Александрии для возможного наступления на Каир вдоль западного течения Нила; 2) высадку десанта в Исманию для продвижения на столицу по маршруту железнодорожного сообщения Исмания – Тель-эль-Кебир – Каир (BL, IOR/L/MIL/17/17/44, PP. 1–6). Однако заключение 3 марта 1878 года прелиминарного мира в Сан-Стефано и потенциальная возможность захвата российскими войсками Константинополя вновь заставили консервативное правительство Б. Дизраэли обратить свой взор на Босфор и Дарданеллы.

12 февраля 1878 года тори распорядились ввести боевые корабли под командованием контр-адмирала Джеффри Хорнби в Мраморное море [5, Р. 295]. Следом было принято решение подготовить Экспедиционную армию по мобилизационному плану 1875 года. На страницах британской прессы

громко заявлялось: «...в разведывательном департаменте Конной гвардии (Horse Guards) был начертан всеобъемлющий план, согласно которому Экспедиционная армия может быть готова в течение нескольких дней к отправке из Англии. Детали были проработаны под руководством генерал-лейтенанта сэра Патрика Макдугалла и получили полное одобрение Его Высочества Верховного главнокомандующего и Военного министра <...>, и в течение одного месяца войска численностью не менее 60 000 человек могут быть отправлены на борт со всем необходимым для полевой службы» [8]. В итоге в марте 1878 года королева Виктория, несмотря на изначально заявленный нейтралитет, подписала приказ о призыве резервистов, а семь полков англо-индийской армии передислоцировали из Индии на о. Мальта [3, С. 158].

Для защиты британских геополитических интересов 4 июня 1878 года состоялось подписание оборонительной англо-турецкой конвенции, которая в итоге стала одним из ключевых шагов не только для утверждения могущества Англии на Востоке, но и подготовила плацдарм для интервенции в Египет в 1882 году по сценарию генерала П. Макдугалла.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Подводя итог нашему исследованию, можно сделать следующие выводы. После приобретения Великобританией контрольного пакета акций компании Суэцкого канала в 1875 году представители высшего эшелона Военного ведомства стали предметно рассматривать сценарии интервенции в Египет. С точки зрения имперской стратегии Соединенного Королевства и специфики устройства его сухопутных вооруженных сил данный вариант разрешения восточного вопроса в 1875–1878 гг. считался наиболее оптимальным, поскольку он позволял, с одной стороны, сохранить исторически сложившуюся конфигурацию системы национальной обороны Великобритании с ее упором на

военно-морское доминирование, с другой – усилить собственные позиции в Африке и Евразии в контексте соперничества с другими европейскими державами.

Таким образом, в период Восточного кризиса началась постепенная переориентация британской военной стратегии с проблемы проливов Босфор и Дарданеллы на контроль над Суэцким каналом. Поэтому Египет стал играть ключевую роль во внешней политике Соединенного Королевства в последней трети XIX века. Это закономерно привело к необходимости его военного захвата в 1882 году.

Библиография/References:

1. Виноградов В.Н., Науменков О.А. Маркиз Солсбери: последний архитектор Pax Britannica // Монархи, министры, дипломаты XIX – начала XX века. – СПб.: Издательство Санкт-Петербургского университета. – 2002. – С. 156–191.
2. Гелла Т.Н. Образ России в политической риторике британских парламентариев в период Восточного кризиса 70-х годов XIX века // «Свои» И «Другие». Взаимодействие и восприятие культур Запада и России (К юбилею Виктора Леонидовича Малькова). – СПб., 2020. – С. 256–274.
3. Сергеев Е.Ю. Большая игра, 1856–1907: мифы и реалии российско-британских отношений в Центральной и Восточной Азии. – М., 2012. – 454 с.
4. Beaver W. Under Every Leaf: How Britain played the Greater Game from Afghanistan to Africa. London, 2013. – 340 p.
5. Clowes W. L. The Royal Navy, a History from the Earliest Times to the Present. Vol. VII, London, 1903.
6. Deputy Quartermaster-General A. Alison Evidence of his Royal Highness the Duke of Cambridge, 25 May 1880 // Royal Commission Appointed to Inquire into the Defence of British Possessions and Commerce Abroad, London, 1879.
7. Documents on Conservative Foreign Policy, 1852–1878. – Cambridge, 2012. – 396 p.

8. Edinburgh Evening News. – 1878. – 28 February.
9. Gooch J. The Plans of War. The General Staff and British Military Strategy c. 1900–1916. – London, 1974. – 36 p.
10. Macdougall P.L. The Conference at Constantinople // Blackwood's Magazine. – December 1876, Vol.120. – №734. – P. 763–775.
11. Macdougall P.L. The Khedive's Egypt, and our Route to India // Blackwood's Magazine. – 1877. – October. – Vol.122. – № 744. – P. 477–490.
12. Preston A. British military policy and the defense of India: a study of British military policy, plans and preparations during the Russian crisis, 1876-1880, Ph.D. Diss., University of London, 1966.
13. Raugh H. The Victorians at War 1815–1814, an Encyclopedia of British Military History. – Santa Barbara, 2004. – 403 p.
14. Verner W. The Military Life of H.R.H. George. – Duke of Cambridge Vol. 2, London, 1904.
15. Watson C.M. The life of Major-General Sir Charles William Wilson, Royal Engineers. – London, 1909. – 419 p.
1. Vinogradov V.N., Naumenkov O.A. (2002) Markiz Solsberi: posledniy arkhitekt Pax Britannica [Marquess of Salisbury: the last architect of Pax Britannica] // Monarkhi, ministry, diplomaty XIX – nachala XX veka. – SPb, S.156–191. (In Russ.).
2. Gella T.N. (2002) Obraz Rossii v politicheskoy ritorike britanskikh parlamentariyev v period Vostochnogo krizisa 70-kh godov XIX veka [The image of Russia in the political rhetoric of British parliamentarians during the Eastern crisis of the 70s of the 19th century] // «Svoi» I «Drugiye». Vzaimodeystviye i vospriyatiye kul'tur Zapada i Rossii (K yubileyu Viktora Leonidovicha Mal'kova). – SPb., 2020. – S.256–274. (In Russ.).
3. Sergeyev Ye.YU. Bol'shaya igra, 1856–1907: mify i realii rossiysko-britanskikh otnosheniy v Tsentral'noy i Vostochnoy Azii [The Great Game, 1856–1907: Myths and Realities of Russo-British Relations in Central and East Asia]. – M., 2012, 454s. (In Russ.).
4. Beaver W. Under Every Leaf: How Britain played the Greater Game from Afghanistan to Africa [Under Every Leaf: How Britain played the Greater Game from Afghanistan to Africa]. – London, 2013. – 340p. (in Engl.).
5. Clowes W. L. The Royal Navy, a History from the Earliest Times to the Present [The Royal Navy, a History from the Earliest Times to the Present]. Vol. VII, London, 1903. (in Engl.).
6. Deputy Quartermaster-General A. Alison Evidence of his Royal Highness the Duke of Cambridge, 25 May 1880 [Deputy Quartermaster-General A. Alison Evidence of his Royal Highness the Duke of Cambridge, 25 May 1880] // Royal Commission Appointed to Inquire into the Defence of British Possessions and Commerce Abroad, London, 1879. (in Engl.).
7. Documents on Conservative Foreign Policy, 1852–1878 [Documents on Conservative Foreign Policy, 1852-1878]. – Cambridge, 2012. – 396 p.
8. Edinburgh Evening News [Edinburgh Evening News]. – 1878. – 28 February. (in Engl.).
9. Gooch J. The Plans of War. The General Staff and British Military Strategy c. 1900–1916 [The Plans of War. The General Staff and British Military Strategy c. 1900–1916]. – London, 1974. – 36p. (in Engl.).
10. Macdougall P.L. The Conference at Constantinople [The Conference at Constantinople] // Blackwood's Magazine. – December 1876, Vol.120. – №734. – P.763–775. (in Engl.).
11. Macdougall P.L. The Khedive's Egypt, and our Route to India [The Khedive's Egypt, and our Route to India] // Blackwood's Magazine. – 1877. – October. – Vol.122. – №744. – P.477–490. (in Engl.).
12. Preston A. British military policy and the defense of India: a study of British military policy, plans and preparations during the Russian crisis [British military policy and the defense of India: a study of British military policy, plans and preparations during the Russian crisis], 1876-1880, Ph.D. Diss., University of London, 1966.

(in Engl.).

13. Raugh H. The Victorians at War 1815–1814, an Encyclopedia of British Military History [The Victorians at War 1815–1814, an Encyclopedia of British Military History]. – Santa Barbara, 2004. – 403p. (in Engl.).

14. Verner W. The Military Life of H.R.H. George [The Military Life of H.R.H. George]. – Duke of Cambridge Vol. 2, London, 1904. (in Engl.).

15. Watson C.M. The life of Major-General Sir Charles William Wilson, Royal Engineers [The life of Major-General Sir Charles William Wilson, Royal Engineers]. – London, 1909. – 419p. (in Engl.).